

Эпизод \[103й]///
ВОСКРЕСЕНЬЕ

- >> **Пляж**
- >> **Время для дневника**
- >> **Портрет в интерьере: Мой друг Саша Кириллов** *(продолжение)*
- >> **Андрей Таманцев**
- >> **Шкрабы: капитан Хотеев и ст. лейтенант Трошин**
- >> **Красота души человека**

23 июля 1972 г. (воскресенье)

— *Прежде чем писать, надо жить.* Антуан де СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

После завтрака отцы-командиры, чтобы служба мёдом не казалась, устроили нам маленький воскресник по уборке территории. Мы для виду помахали мётлами (что там убирать-то?). А затем вернулись в казарму, не сговариваясь, поддели под спортивное плавки, взяли полотенца и потопали на пляж.

Начали раздеваться. Тут Кот предложил:

— А давайте купаться и загорать совершенно голыми! Кругом свои ведь!

Но Котиевского никто не поддержал.

А что, я с удовольствием сделал бы это нагишом! Сие так сладко – расковаться от условностей этикета! Да и что, мы друг друга голыми не видели? Вон, в бане каждую неделю!

Покупались всласть, позагорали! Я выстирал комбез. Развесил его на ближнем кустике, чтобы просыхал. И снова бросился в реку! Прелесть!

Потом пришли наши бойцы. Пляж заполнился криками, брызгами, купающимися, несущимися на перегонки до противоположного берега и назад, загорающими. Я заметил, что все кучкуются по экипажам. И тут не было раздела: курсант – солдат. Ведь мы были одногодками!

Саша Кириллов сразу же подошёл ко мне. Замечаю: когда он стал раздеваться, многие ребята – и солдаты, и курсанты – обратили на него свой взор: так хорошо он был подкачен и сложен! Действительно можно залюбоваться и... и давать себе слово, что с понедельника я тоже начну качаться! Остаётся лишь согласиться с древними греками: красота – это открытое рекомендательное письмо, авансом завоевывающее сердца людей.

И мы плавали и загорали вместе.

Вот удивительно, как мы сошлись! Нам абсолютно не было скучно друг с другом, не надоедали наши бесконечные разговоры. А если кто-то присоединялся к нам (Сэм, подошёл, например), вот это нас напрягало. К счастью, Витюля затем отвлекся и перешёл к Шурко Передышко и Сашке Котиевскому.

После двенадцати я, опасаясь полуденного солнца, стал собираться.

— Не хочу сгореть! А то ещё отстранят от полётов! — пояснил я Саше.

— Юрик, после ужина погуляем?

— Давай узнаем, что за фильм будет вечером в клубе. И, если какая-нибудь муть, то погуляем! — Я поясню: — Иногда даже хороший старый фильм хочется посмотреть снова, ибо когда ты его увидишь ещё? Снимут с проката и всё! А бывает кинокартина, которой все восхищаются, но мне ещё разок смотреть её ну абсолютно не хочется!

— Тогда я проясню, что за фильм, и зайду за тобой!

— Договорились, Сашок!

Натянув спортивный костюм, свернув почти высохший комбез и захватив полотенце, пошёл в казарму.

В каптёрке взял утюг, выгладил своё лётное обмундирование, повесил его на свой крючок в каптёрке и пошёл в экипажный класс, чтобы занести в дневничок события прожитого, не очень удачного для меня вчерашнего лётного дня.

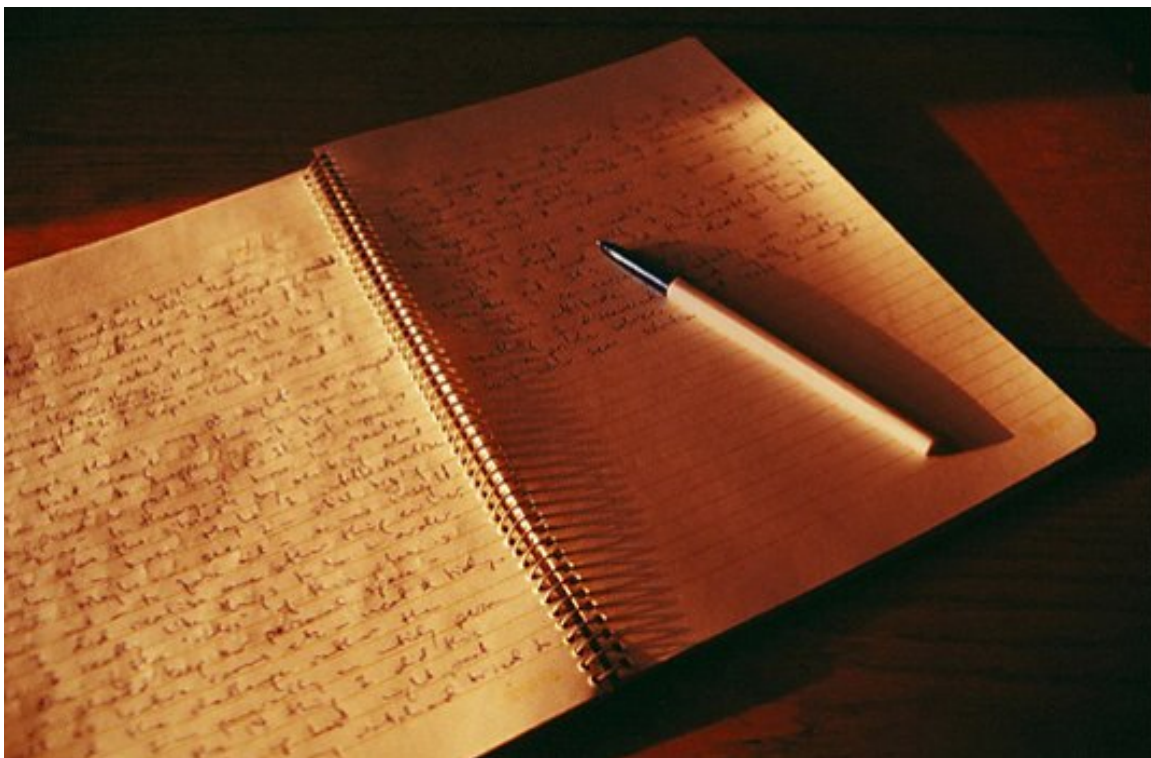
Наш экипажный класс оказался запертым, не захотелось возвращаться в казарму, отыскивать Шурко и брать у него ключ – жалко было времени. И поэтому я оказываюсь в классе экипажа Июмского, «особейших». У них помещение в два раза меньше нашего. И как-то уютнее – зелёные портьеры на карнизах! Устроился у окошка. И стал писать...

Чёрт! Никогда не думал, что это так приятно – описывать прожитое в свой дневник! Втянулся я! И уже не могу, чтобы не писать!

А знаете, вода пером по бумаге, как бы проживаешь эти события, свою жизнь второй раз! Стараюсь ухватить детали, чтобы они не исчезли вместе с рекой под названием Лета... Иногда даже одни и те же факты, диалоги оцениваешь потом по-другому... Ещё не знаю, пригодится ли это мне в будущем. Осознаю одно – эти строки помогут мне, спустя годы, вернуться в мою лётную юность. Чтобы взволноваться снова и снова пережитым. И, благодаря своему курсантскому дневничку, это есть возможность завтра стать лучше, чем я есть сегодня...

В обед узнали о фильме на вечернем показе в клубе – «Джентльмены удачи»! Восторги по поводу этой ленты не для меня! Эта тюремная «романтика», этот Савелий Крамаров, с которого все покатываются со смеху... Эта дурацкая фраза: «Кто ж его посадит? Это же памятник!» Помню, как первый раз смотрел его с Юрой Ломановым в киноконцертном зале «Украина»! Зал умирает со смеху, а я, в общем-то, считающий о себе, что юмор понимаю, сижу и не могу врубиться: да что смешного-то с этим памятником? Урка и думает, как урка! Нет, если Саша не пойдёт на фильм, то лучше пройтись перед сном, окунуться в Удай. Ну, а пойдёт – посижу с книжкой! Или сам

схожу!

Alter ego¹

ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ

••

>>

Мой друг Саша Кириллов

<<

••

(продолжение)

— Поговорить-то не с кем!

Из худ. к/ф-ма «Верные друзья»

<<••>>

— Вот жизнь! И поговорить-то по-человечески не с кем!

Из худ. к/ф-ма «Потому что люблю»

<<••>>

□□□□ *Красивое и доброе сердце редко бывает у одного человека. И всё же мы ищем и надеемся. Ибо потребность в красоте – это потребность в воздухе для дыхания. Хотя бы полюбоваться. Но лучше – обладать!*

Юрий РОГОЗИН, «Фехтование на нервах»

После обеда в казарму забежал Саша.

— Я узнал, что за фильм вечером! — с горящими глазами сообщает он мне.

— Я тоже! Хотел зайти к тебе, но ты меня опередил.

— «Джентльмены удачи»! Как? Пойдешь?

— Сашок, если честно, этот фильм второй раз смотреть желания не испытываю!

Если хочешь, иди!

— Да я его тоже видел! Что там смотреть? Как зэки бегут из тюрьмы? Да ещё в душном зале сидеть! Было бы ради чего!

— У нас ещё и вкусы совпадают! — улыбаюсь. — Тогда как?

— После ужина зайду за тобой!

— Хорошо! Я буду или в казарме...

— Знаю-знаю! Или в вашем классе! Лучше я тебя к реке вытащу!

— Мгм! Если карты есть – возьми! Перекинемся на пляже в «дурочка»!

— О! Юрок, у меня такие карты – закачаешься! Отец в Москве купил две колоды, одну прислал мне!

— Что за карты?

— Увидишь!

— Сгораю от нетерпения увидеть карты, которыми закачаюсь!

После ужина забежал в класс, чтобы забрать свою курсантскую полевую сумку и пакет с парой бутылочек газированной малиновой водички и песочным печеньем, которые успел купить к нашей прогулке.

Выхожу из класса, а тут и Сашок.

— Я за тобой! Пошли?

— Саш, сейчас! Надо хоть в спортивное переодеться! Чего ж погонями светить?

Мы выходим на плац и видим, что наши скопом, с большой натяжкой называемым строем, направились в клуб.

— Чёрт! — говорю. — Валера-каптёрщик уже ушёл!

— Ну, пошли прямо так!

— В форме, что ли?

— Ну а чо?

— А там сапоги снимать?

— Да ладно тебе! Снимем! Я помогу! — засмеялся Саша.

И мы пошли.

Но в этот вечер нам явно не везло – паромчик оказался у того берега. Видимо, кто-то уже переправился на ту сторону. Тоже купаться и гулять!

Саша начинает раздеваться:

— Я сейчас вплавь до него и обратно на нём!

— Сашок, не надо! Давай здесь погуляем! Пошли на наш пляж!

И мы пошли, разговаривая.

Я спросил, как ему понравилось быть техником, кто заинтересовал и что его так привлекает в этом?

— Да нас, в общем-то, особо и не спрашивали. А потом стало увлекательно! Когда изучал самолёт. Это же не шагистикой и караульной службой в роте охраны заниматься! А что-то новое! Это раз. Пайка техническая, а не солдатская – два. По деньгам аж целых 20 рублей, а не 3 рубля 80 копеек – три. Знаешь, как наши держатся за должность техника! О! Вон, Колян подзалетел на выпивке, его тут же перевели в механики! А это удар и по самолюбию, и по жратве, и по карману. То он механиками руководил, а теперь им помыкают! И ничего ведь не скажешь! Вот он землю копытом и роет, чтобы инженер его вернул в техники! Теперь другие лучше лишний раз в казарме посидят, чем выпил и по тому же пути! Вот!

Мы спустились на пляж. Я прилёг на песок, Саша начинает раздеваться.

— Интересно на полётах – четыре! Видеть, как вы становитесь лётчиками, какие вам замечания инструкторы дают! Как Июмский своих курсантов пизд*ит маской за промахи в зоне и провесы на посадке – за живот держишься! Сознание, что от тебя, твоей внимательности зависят чьи-то жизни и сделать всё, чтобы полёты прошли на твоём самолёте без сучка и задоринки – пять!

Сашок помолчал.

— Юр, мне очень повезло, что я попал в техники самолётов. Представляешь: срочная служба, а я – техник самолёта!..

Я выкладываю на песок пляжа кулёк с печеньем и откупориваю бутылки с ситро.

— Давай подкрепимся!

Мы уминаем баракиль и запиваем газированной водичкой.

— А в ТЭЧ интересно было бы тебе, Саш?

— В ТЭЧ, конечно, интересно. Устоявшийся распорядок дня, никаких ранних побудок на первую смену, работа с 9ти до 17.30 – всё это хорошо. Там самолёт, как препарированный. Всё можно увидеть, потрогать, понять, как работает. Но всё время одно и то же. И к тому же, там срочная служба – только механики, на технических должностях лишь офицеры. О полётах только слышишь! А здесь и ваши посадочки увидишь! Нам сказали, что нам посчастливилось, нас допустили в техники, потому как пока нет возможности заполнить наши клетки прапорщиками и лейтенантами. Вот и решено было солдат-срочников подготовить и допустить. Для эксперимента.

Перекусили.

— А знаешь, когда я тебя первый раз заметил? В Рогани. Мы тогда изучали гидросистему самолёта. Ну, и на самоподготовке у стенда стояли и разбирались, как гидросмесь по трубкам идёт для выпуска и уборки шасси. А преподаватель майор Утенко на совещание уходил. А тут ты за своей полевой сумкой зашёл. И майор попросил тебя нам помочь: «Этот курсант всё хорошо знает! Он вам всё расскажет! Кручинин, помоги бойцам!» Ну и ты с указкой, не хуже майора, нам рассказал. Я даже залюбовался тобой! Не помнишь?

— Смутно, Саша! Помню, что майор Утенко каким-то бойцам просил рассказать. Ну, я показал на стенде, рассказал, ответил на вопросы и всё... Я ж не знал, что в той

группе стоит мой друг!

Мы засмеялись.

— Андрюха Таманцев, когда ты ушёл, ещё сказал: «Ты гляди, как здесь сильно курсантов-лётчиков готовят!» А тут мы оказались в одной эскадрилье!

Саня был в солдатских трусах, а я – по полной форме.

— А ты чего не раздеваешься?

— Да, Саш, не хочется стягивать сапоги! Целое дело! Ты иди, плавай, я наплавался утром!

— Да ладно тебе! Раздевайся, лентяй! Давай, помогу! Читал, как в царское время денщики снимали с господ офицеров сапоги?

Сашок становится ко мне задницей, наклоняется, берёт мою правую ногу, зажимает сапог руками и между своих бёдер, затем поворачивает ко мне лицо:

— Сильно толкай меня левой ногой в торец!

— Да ты что?

— Давай, тебе говорю! Я так отцу сапоги снимал! Сильнее! Ну!

Я толкнул и Саша с моей правой «сапогой» отлетает к воде.

Наши крики, смех.

— Давай, левый!

И вот я уже без сапог. Пришлось раздеваться.

Так хорошо поплавать, полностью раздевшись.

Мой друг продолжал делиться своими впечатлениями:

— Знаешь, как поначалу на полётах мотались от самолёта к самолёту инженер аэ капитан Юсупов и техники звеньев? О! Это надо было видеть! Да и мы пока были скованы! Ты что, такая ответственность! А когда втянулись, нашим офицерам стало попроще! Мы теперь знаем, что и как делать! Кто и что узнал новое – делится с другими! Нет, Юрик, что ни говори, а техником быть забалдёжно!

— А полетать не хотел бы?

— Полетать? Ну, так, чтобы посмотреть с высоты – хотел бы. А чтобы пилотировать – да нет! Это не моё! Может, за рулём в автомобиле... Ещё куда ни шло. А быть лётчиком – нет! А тебе нравится учиться летать?

— Конечно, Саша! Я об этом с детства мечтал! Знал бы, как здоровски, когда поднимаешь самолёт в воздух сам!

— Я себе представляю!

— Ну вот!

Мы выходим из воды и валимся на песок. Вокруг ни души и никто нам не мешает. Закусываем печеньем со сладкой водичкой.

— Где наши карты? Ты обещал меня удивить!

— А! Да!

Сашко, кинув печеньице в рот, лезет в кармашек спортивного костюма и достаёт пластмассовый коробок с колодой карт. Передаёт мне.

Открываю. И ахнул. Вот это карты! Я только слышал о таких, но ещё не видел. Это были карты с порнографическим изображением женщин и интима их с парнями в разных аттитюдах: лёжа, стоя, сидя, рачком; спереди, сзади, на боку; парой и парами, вдвоём одну; в пизд*ночку, в ротик, в попку... Белые, чёрные, кофейные, китайки, мулатки, креолки...

— Саш, да тут не играть, а рассматривать каждую картинку надо! — смеюсь. —

Эта, например!.. А вот!.. А эта!.. О, господи, вот это позитура!..

Мы вдвоём неспешно рассматриваем.

— Зачем тебе отец это в армию прислал? Он что, не понимает, что ты тут живчиками изойдёшь?

— Ну, не без этого! Но зато, как приятно глазам! Возбуждает!

Это правда! Ну и чтобы это нас не возбуждало, начали играть.

Тут замечаем, что к пляжу спускается Андрей Таманцев, техник самолёта № 70. Он – в спортивном костюме и с полотенцем на плече. Саша сказал, что Андрей всегда купается в это время здесь.

— Это повезло, что он один пришёл. Обычно с ним человек 5-7. Просто все в кино сидят.

— Загораете в лучах заходящего солнца? — улыбается Андрей.

И начинает раздеваться.

— А ты чего не в кино?

— Да шо там смотреть? На пошлые шуточки Вицына и Крамарова? — Андрей окинул нас взглядом. — А что, внаготку – это мысль! Эх, шашки наголо!

И решительно снимает плавки. И в костюме Адама идёт в воду. И поплыл.

Мы с Сашей оставляем карты и тоже идём плавать.

Поплескавшись, выходим на берег втроём. Укладываемся на песок, перемешали карты и я сдаю для игры втроём.

Взяв карты, Андрей ахнул, как и я!

— Ну не хрена себе! — округлил он глаза! — А вот это... Ну и поза!

— У кого шестёрка козырей? — интересуюсь.

— Да погоди ты с игрой!.. Ёб...

Мы с Сашей начинаем смеяться, видя расширенные сержантские глаза. Вскоре у Андрюхи начинает пульсировать и подниматься пенис.

— Вам смешно, а я уже не могу!

Таманцев взвизгивает с песка и, едва прикрывая свой стояк, бежит к воде. Мы следом, так как у нас начинается та же проблема.

Спустя пять минут или около этого говорю:

— Так, пиканты! Выходим и, не рассматривая картинки, перевёрнутыми картами начинаем игру!

Все втроём смеёмся.

На берегу берём карты в руки.

Игру начинаем. Но члены, хоть и не в стояке, но в полуатакующем положении.

— Куда бубновую даму пиковым тузом бьёшь? — кричит Саня.

— Да ничего я не бью! Ты посмотри, в какой позиции она отдаётся негру на этом пиковом тузе! Даже в перевёрнутом состоянии! Так и хочется такой трахнуть!

Я в смехе корчусь от слов и выражения лица Таманцева, они оба – от моего хохота.

— Не! Это не игра! — говорит Андрюха.

Соглашаюсь:

— Давай, Саша! Спрячь их!

— Чьи карты? Саш, твои? Дашь потом по мастям посмотреть?

— А почему по мастям? — спрашиваю.

— А чтобы растянуть на четыре дня! — смеётся Таманцев. — Так что, договорились?

— Дам! Дрочи на здоровье!

— Ты – настоящий друг! Никто мне ещё не предлагал дрочить на здоровье! Только и слышишь, что «нельзя» да «вредно»! А чего вредно-то, если это так улётно!

Солнышко давно уже начало садиться за горизонт. С помощью Андрея мы добились печенья и лимонад.

Таманцев засобирился. Мы тоже. Но Андрей направил свои спортивные тапочки в казарму, а мы пошли, разговаривая вдоль берега в сторону парома.

Паромчик оказался с нашей стороны. Мы ступили на него и переправились на другой берег. Вышли на наш пляж.

Саша раздёжкой разделся и сделал заплыв. Я раздеваться не стал. Просто прилёг и, опёршись руками сзади, смотрел, как красивая голова моего друга рассекает воду перед собой.

— Голова профессора Доэля! — кричу я.

Сашок даже плавал залюбоваться – то кролем (до осоки), то расслаблено брассом (обратно) и смешно так фыркал. А я наблюдал за ним и веточкой отмахивался от комариков.

Затем он вышел и красиво так, грациозно, как сильный молодой лев после охоты, вытянулся на песке.

— Как у тебя дела по лётной подготовке? — спрашивает эфеб и посмотрел мне в глаза.

— А в связи с чем этот вопрос?

— Вчера на полётах подходит Трошин и спрашивает: не на моём ли самолёте улетел Хотеев? Я говорю: «Да, на моём, вместе с Получкиным. Сейчас уже заходят на посадку». Ну, он его и ждёт. Потом интересуется: не хотел бы я перейти в его экипаж, а то, мол, его курсанты, то есть вы, хотят летать на моём самолёте. А Контареву вместо меня можно отдать техника и самолёт № 73. Я сказал, что хочу! Так что, мы с тобой, Юрок, считай, уже в одном экипаже!

— Хорошо! А с Хотеевым что? Зачем Трошин его ждал?

— А! Да! Ну, зарулил КЗ с курсантом. Хотеев вылез из кабины, отmaterил Получкина за пилотажа в зоне и отослал. А потом я стою, заправляю Эл, делаю вид, что ничего не слышу, ничем, кроме заправочного пистолета, не интересуюсь. Трошин у крыла тихо докладывает Равилю, что вот, мол, опять он в контрольном полёте чуть с другим стартом против шерсти не зашёл. А Хотеев вздыхает и ему говорит: «Валера! Это курсанты! Они учатся! Ошибки были, есть и будут! И с противоположными стартами норовить заходить будут! Отстранение от полётов – это не метода борьбы с курсантскими ошибками! Ты ещё не заметил, что тебя после того случая с виражом Кручинина на кругу все курсанты эскадрильи избегают? А ты присмотришься! Ты садишься в квадрате под навес и все курсанты сразу оттуда уходят! Ты приходишь в класс предполётных указаний – все курсанты, кроме твоего экипажа, оттуда испаряются! Что там у вас случилось с его виражом на кругу – не могу я понять! Обычно так курсанты не реагируют на отстранение кого-нибудь из них от полётов. “Отстранили – ну и х*й с ним! Не меня ж!” А тут... А ведь тогда от полётов отстранил его не ты, а я! Но на меня такой реакции курсантов нет! А на тебя есть! Ты мне ничего не хочешь сказать?.. Ладно! Учи его! Понял? Не от полётов отстраняй, а учи! Десять раз, двадцать раз талдычь одно и то же! Пока не усвоит! Мы – шкрабы! Работа у нас такая – учить всякую бестолочь летать! А он... не такой уж он и бестолковый! Мельников говорит, что по авиатехнике

Каменскому лучше всех отвечал: что тот не спросит – чёткий и полный ответ, ещё и другим подсказывал! Может на пилотаже хорошо режимы держать, если не зазнаётся! Просто он увлекается! Что-то его в этом месте отвлекло, вот он и доворачивается, не подумав! Учи не отвлекаться! Представлять, где он находится! Понял?»

Мой друг в ожидании посмотрел на меня. Я вздыхаю:

— Да, Сашок! Это речь шла обо мне! — задумчиво говорю.

— Я так и подумал! Кто ещё из курсантов может так знать самолёт!

— ...Именно мне помог Трошин в полёте снова не зайти против старта!

— Ну, что ж ты так, Юр! — надул за меня губы мой друг и потупил глаза.

— Да чёрт его знает! Отвлёкся я, что ли? Это Хотеев правильно подметил!

— Ну вот! А мне обидно за тебя!

— Мне самому за себя обидно, Сашенька!

— Но мне приятно, что ты всё-таки рассказал мне об этом! Не скрыл, не ушёл от ответа, а рассказал! И что завтра?

— Я попросил Батю спланировать мне ещё контрольную зону! Будем учиться! Как завещал нам великий шкраб дядя Равиль!

Мы смеёмся.

— Саша, а эта фикса слева-сверху откуда? Если не секрет, конечно...

— Какой секрет... Это след предательства моего друга! Бывшего друга... Мы вдвоём шли, а их трое было... Он сбежал, а я остался один против троих! Так бы он прикрыл мне спину, и мы бы отбились! Валерка здоровей меня был. А так сзади завалили меня. И ногами... А лицо я не успел отвернуть...

— М-да, печально... Как говорил Толстой, тот, что Лев, *«Трусливый друг страшнее врага, ибо врага опасаясь, а на друга надеешься»*

...

— Там печенья не осталось? — спрашивает Саша, кивая на мою полевую сумку.

— Нет. Всё этот троглодит Андрюха употребил!

— Жаль! После плавания хочется что-то пожевать вкусненькое!

— А! Подожди! У меня же есть кое-что получше!

Я вспомнил, что вчера в лётной столовой мы получали очередную порцию шоколада. К счастью, я плитку не успел ни съесть, ни даже переложить в свой чемодан. Так и лежит она у меня в полевой сумке.

Достаю 100-граммовую плитку «Алёнки», распечатаваю её и разламываю на квадратики, по одному-два.

— Угощайся! Можешь пожевать вкусненькое!

— Юр, а зачем вам выдают шоколад?

— Как, зачем? — таращу я глаза. — Да кто же в лётчики пойдёт, если не станут давать шоколад!

Сашок со всей серьёзностью уставился на меня, пытаюсь переварить сказанное мной. Затем, поняв, что я шучу, громко смеётся.

— Ну, а всё-таки?

— Так, шоколад – это легко усваиваемый продукт. Один из немногих, который усваивается организмом полностью, без остатка. Для восполнения затраченных калорий. А в 1930-е годы выдавали всем лётчикам по три конфеты «Мишка косолапый» за каждый высотный полёт! Это во-первых. А во-вторых... Чтоб было, чем угостить своего преданного друга на нудистском пляже!

Саша опять смеётся.

А я вижу, как нравится Саше это лакомство и слегка надкусываю один квадратик и время от времени вроде как беру следующую порцию. И моя хитрость срабатывает. Сашок ничего не замечает. К тому же уже смеркалось. И он, скрестив поднятые ноги у себя над ягодицами, с удовольствием поглощает сладость.

— Саня, — интересуюсь. — А вот что я хотел спросить у тебя! Ты вообще осознаёшь, что ты — красивый парень?

Мой друг слегка покраснел. Это видно даже в надвигающихся сумерках.

— Да, в общем-то, да. С детства все вокруг говорили: «Смотри, какой красивый мальчик!» да «Красивый мальчик!» А потом даже напрягать стало. С возрастом это, наверное, пройдёт. Все мы станем некрасивыми. Поэтому как-то хочется, чтобы твои друзья тебя ценили не за внешность, а... Получается, если, допустим, меня ранит что-то и я стану безобразным, со мной что, дружить будет нельзя?

— Ну, у тебя это не отнять, — перебиваю я Сашу. — У тебя есть и ответственность, и взаимопомощь товарищам — я видел, как ты однажды помогал Таманцеву менять колесо на ЦЗ, когда твой масалёт улетел. Есть и красота души! То, что мне в тебе больше всего нравится! И ты прав: красота тела может привлечь, но лишь красота души может удержать!

Саня снова слегка зарделся.

— Вот! И я таких ребят ищу: чтобы и помог мне, когда трудно, чтобы поговорить можно было на любые темы и это осталось между нами. Чтобы понял меня, а я его. Чтобы не дурак был. Вот Серёга, с которым мы рядом спим, техник 68го. Тоже, вроде нормальный парень, читает много! А я вот из дома письмо получил, хотел поделиться, а он мне говорит: «Старик, я тебе смогу в этом чем-то помочь? Ну и всё! Зачем мне твои проблемы? У меня своих по горло!» Наверное, отчасти он прав!

— Да не прав он! Ты ведь хотел не чтобы он «решал» твои проблемы. А хотя бы выслушал! Так ведь, Саш?

— Ну да!

— А он, выходит, оттолкнул!

Шоколад скоро иссяк. Когда на фольге остаётся полоска из двух квадратиков, Саня прерывается, удивительно смотрит то на меня, то на остатки шоколадки:

— Это что, я всё сам сожрал? Ты же почти ничего не ел!

— Как не ел? А вот! — я показываю надкусанную половинку квадратика.

— Да, сдаётся мне, это один и тот же кусмачик! Вот так всегда! Когда вкусно, я обо всём забываю! — сокрушается мой друг.

— Не переживай! Мы съели всё поровну! Уверю тебя! Доедай! А то меня уже от этого шоколада воротит!

— Точно?.. Не, это твоё!

— Саша, что мы из-за двух грамм спорить будем? У меня в чемодане ещё плитка осталась! — вру я.

Но Сашко достаёт из-под шоколада фольгу, делает из неё шарик, садится на песок и, недовольный собой, начинает им играть, накручивая себя за съеденную плитку шоколада. Затем вдруг кидает этот шарик в воду.

— Ну, зачем пачкаешь водоём? Смотри, какая красота! А ты соришь! — возмущаюсь я.

— Я думал, он утонет!

— Утонет? С чего это он тонуть станет? Ну-ка доставай! — и подталкиваю его к воде: — Взять! Принеси! Апорт!

Сашок хмыкнул, глянув на меня, принимая игру, твякнул собачонкой и на четвереньках, сверкая задницей и яйцами, понёсся к воде. Я только и успел его веточкой огреть по ягодицам.

А ветерок уже отогнал плавающий шарик от берега.

Он поймал фольгу, подплыл к берегу, вышел, попытался на четвереньках, как это делают все псы, покрутить задницей, будто с шерсти стряхивает воду, затем подскочил, присел передо мной, шарик из фольги сунул в рот и по-собачьи согнул у груди кисти рук.

— Да ты что! — ещё больше возмущаюсь я. — Вода ж грязная! Затока! А ты в рот берёшь! Здесь же кишечные заболевания, всё, что угодно может быть! Подхватить диарею хочешь?

Хватаю шарик и пытаюсь вытащить у Сашки изо рта.

— Дай! Слышишь?

Щенок Саша не выпускает добычу из зубов и мотает головой.

Беру оставшейся шоколад и поводит у него перед носом. Вот тут домашний пёсик Саша выпустил шарик, и я сунул ему лакомство в рот!

— Молодец! Хорошо принёс! Хорошо апорт! — поглаживаю я свою собачонку по короткой стрижке на голове.

Мы смеёмся. Тут Сашок держит шоколад в зубах, затем спохватывается, откусывает один квадратик, а другой протягивает мне.

— Юра! Только пополам! — серьёзно говорит он.

Всё равно разделил поровну, чертёнок! Вот молодчина этот Саша! Пришлось брать лакомство из его рук.

Ну как не любоваться таким человеком?

...Ещё один воскресный денёк умирал.

Через 15 минут начиналась вечерняя проверка и мой друг стал одеваться.

Благополучно перебрались на наш берег и уже в гарнизоне тепло попрощались.

После отбоя я вспоминал разговор Хотеева с Трошиным, который передал мне мой друг. И засыпал с чувством, что открыл для себя ещё одну истину. Эта истина заключалась в том, что утро придёт; смысл только в этом...

И всё у меня будет хорошо! Пока рядом находятся такие друзья, как Саша.

Спал я как убитый. Всё-таки у реки погулять перед сном – это очень полезно для крепкого сна!

Вдогонку:

••>> — *Что ты там делал?*

□□□□□ — *Спал и видел сон, что меня там нет!* Из фр. худ. к/ф-ма «Бег зайца через поля»

••>> — *«Улыбка – цветок на твоём лице».*

Из америк. худ. к/ф-ма «Я люблю тебя, Филипп Морис!»

